

Ольга АРОСЕВА: Сталин преподнес мне цветы. ЭТО ЛУЧШЕЕ, что он сделал...

Первое в своей жизни интервью Ольга Аросева дала «Комсомольской правде» 65 лет назад. Ей тогда было девять лет

Отец, видный деятель компартии Александр Аросев, взял дочек Олю и Лену на авиационный парад в Тушине...

«Сталин опять обращается ко мне, и вот так протягивает букет, и говорит: «Позвольте вам, Оля, преподнести цветы!»

...Когда мы встретились с Ольгой Александровной, я первым делом поохала: «Ну надо же, Сталин! Букет!»

Она засмеялась: «Это лучшее, что он сделал в своей жизни». Аросев был арестован в тридцать седьмом и расстрелян в начале тридцати восьмого.

Шестидесять лет спустя его дочь, известная актриса, написала книгу «Без грима»...

Мне не хотелось писать о своей жизни, но очень хотелось об отце. У моей старшей сестры уже вышла книга о нем, но она в те годы боялась написать, как он умер. Мы с ней даже из-за этого поссорились.

Я нигде себе не позволила описать свои бабские переживания и слезы. Боялась показаться сопливой и мелодраматичной. Надеюсь, получилось.

Времени, усердия и умения писать мне не хватало, и я нашла себе чудесную соавторшу, театроведа Веру Максимова!

- Вы долго писали? - Очень мало. Стыдно говорить - меньше года.

- Не так уж мало. - Это по нашим современным художным понятиям.

Молотов не был тупым и трусливым

- Когда в 37-м году арестовали вашего отца, вы не сомневались, что

он невиновен. Кого вы винили в произошедшем - Сталина, советскую власть, Молотова?

- Это был какой-то массовый гипноз. Все думали, что ошибка допущена только в отношении их родственников.

Остальные арестованные, может быть, виноваты. - И долго вы так думали?

- Нет, недолго. Однако нас еще и тем обманули, что официально отцу дали «десять лет без права переписки».

Мы не знали тогда, что это означало расстрел. Когда стала постарше, все поняла.

Я не помню, кто это сказал: революцию залумывают романтики, делают фанатики, а пользуются ее плодами подлые.

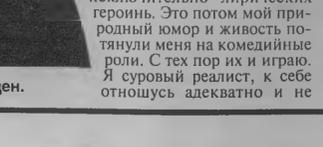
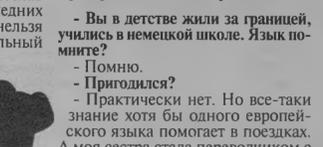
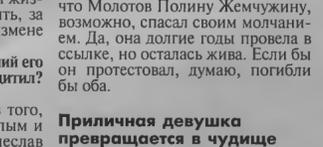
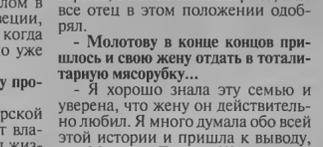
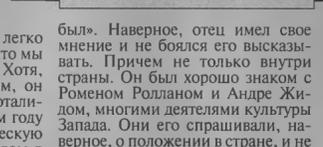
Революцию делали просвещенные, интеллигентные люди. Потом они все оказались не нужны.

Нам легко сейчас их осуждать, потому что мы досмотрели пьесу до конца... Хотя, судя по папиным дневникам, он уже тогда понимал угрозу тоталитаризма.

Недаром еще в 22-м году его отослали на дипломатическую работу. Он был первым послом в Литве, Латвии, потом в Швеции, потом в Праге. В 30-е годы, когда вернулся в Москву, все было уже предопределено.

- Ему не приходило в голову просто убежать? - Никогда. Он бегал от царской охранки и не хотел бегать от власти, за которую сам рисковал жизнью.

Он никак не мог понять, за что его можно обвинить в измене Родине.

мечтаю сыграть Марию Стюарт. Не мое.

- В голодной юности у вас не было комплексов по поводу одежды или внешности?

- Были, конечно. Детство-то у меня прошло в обеспеченной семье. Когда вся Москва ходила в сатиновых штанах и резиновых тапочках, отец мне из-за границы привозил красивые вещи.

Я очень увлекалась модами и даже рисовала ему в поездке эскизы платьев. Что купить, с каким воротничком... Еще и капризничала.

Когда отца арестовали, мы с сестрами оказались в том, в чем ушли из дома, и ничего купить уже не могли.

Помню предель мечтаний в довоенные годы - туфли с перепонками цвета «кофе с молоком».

В конце войны появились гуманитарные посылки из Америки. Нам в училище тоже привозили тушки, и мне достался апельсинового цвета шерстяной кулешник - вещь самая необходимая.

Перед отъездом в Ленинград, в Театр Акимова, купила на рынке американские платки с красной вставкой на груди, чулки «со стрелками» и туфли на микропоре.

Пришла на сбор труппы с папиросой (от которой меня тошнило) и считала себя неотразимой. Вскоре от недооценки на шею у меня вскопили четыре фурункула, и на репетиции я уже являлась с забинтованной шеей, в трех туфках кофтах, штанах и воилочных тужихах на деревянном подошве.

«Господи, - сказал Акимов, - бради в театр приличную девицу, а это что за чудиха?»

В глазах у Андрюши Миронова - такая бездомность

- Вы умны и остроумны, а актерская профессия подразумевает, как бы это помня выразить, некоторую внутреннюю пустоту и полную подлинность. Никогда не приходило в голову поспорить с режиссерами?

- Никогда. Я всегда знала, что крепостная, и ничего хорошего, когда актер начинает спорить, не получается. Доказывать свою правоту актер может, не обижая, а делая. И если это хорошо, умный режиссер с ним согласится. А в работе актерская профессия необходима, и я очень ее люблю, когда артисты делятся секретами мастерства.

- Секрет, видимо, один - расширение собственной нервной системы... - Правильно. Еще энергетика. Она или есть, или ее нет.

Вы написали в своей книге, что Андрей Миронов прожил не совсем ту жизнь, которую заслуживал. Что вы имели в виду?

- Я имела в виду свое нестремимое ощущение, что он несчастлив. Внешне - абсолютно благополучный человек, играл главные роли, курил «Мальборо» в те времена, когда этих сигарет и в руках у него кто не держал, ездил на «БМВ».

Я суровый реалист, к себе отношусь адекватно и не

собираю... А глаза - грустные, и в них бездомность какая-то. Это мое мнение, но, кажется, ему тепла не хватало, покоя на душе.

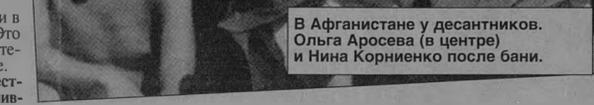
- Про Высоцкого было известно, что у него проблемы с выпивкой и наркотиками, но Миронов-то!

- Смерть всегда неожиданна, мы только потом поняли, как Андрей ша был болен.

Сатирики давно запутались, кого ругать

- Провокационный вопрос: не грустно ли вам было почти всю жизнь работать в Театре сатиры? Выходить каждый вечер и веселить, веселить, веселить...

- Я играла и Шоу, и Дюрренматта, и Фриша... Конечно, ограничить какие-то были... В кино у Рязанова удалось сыграть лирические роли (не очень

В Афганистане у десантников. Ольга Аросева (в центре) и Нина Корниенко после бани.

языком не связан. Расслоение произошло. Те, за кого платят, живут нормально. Те, за кого не платят, стали жить хуже, чем раньше.

Женщины из «Кабачка» выносилиеве мужчин

- Если бы вам предсказали, что в памяти народной вы останетесь пани Моникой, вы бы согласились играть эту роль?

- А я не стыжусь пани Моникой. Кто же виноват, что «ящик» смотрят женщины, а в театр ходят сотни тысяч наших наивных, конечно.

Когда шла передача «Кабачок Тринадцать стульев», многие зрители не понимали даже, что это кто-то написал, что я - Ольга, а не Моника. Если в передаче была сценка про то, что пани Моника не знает, куда приехать на курорт, мне приходили письма с приглашениями. Женщины просили прислать лишние платья: «Зачем вам столько, а мне бы очень пригодилось. Я такая же полненькая, как вы».

Не буду ханжить и утверждать, что популярность артиста неприятна. Когда я еду с дачи на электричке и меня не узнают, это тревожит.

Между прочим, «Кабачок» был единственным сериалом в то время на телевидении. Какая там «Санта-Барбара» - мы пятнадцать лет играли Польское правительство нас наградило званием «Заслуженный деятель польской культуры».

- Говорят, что передачу закрыли по политическим мотивам?

- Можно и так это расценить. В Польше пришел к власти лидер «Солидарности» Лех Валенса, и начальство решило, что в текущий момент передача ни к чему. Ход их мыслей я объяснить не могу. Были попытки потом «Кабачок» восстановить, но в одну реку дважды не войдешь. Да и померли многие мужские актеры. Женщины выносливее оказались.

- Вам приходилось ходить по институтам и собственным популярным лицом пробивать кому-то дорогу?

- Моиими усилиями целый актерский кооператив на Делегатской улице стоит.

- Мемориальная табличка на нем висит?

- Ха-ха... Нет. Добро делается не для того, чтобы потом похваляли и отдали его обратно.

...Мы не говорили о романах и разводах Ольги Аросевой. И ведь было о чем, кроме того, поговорить. Ну не захотелось ей обнажаться, как это сейчас модно, а и без этого книга у нее получилась - оторваться невозможно.

Очевидно, опять виноваты семья и школа. Пусть даже и немецкая.

Ольга БАКУШИНСКАЯ.

В психбольнице Пельтцер шепнула мне: «Оля, заberi меня отсюда!»

(Из новой книги О. Аросевой «Без грима»)

Когда я пришла в Театр сатиры, Татьяне Ивановне было около сорока пяти лет. Мы мгновенно подружились. Тогда у нее был роман с актером Б... Пельтцер своего избранника обожала и моментально загрузила меня поручениями: то записку снести этому самому Б., то по телефону позвонить, то встретиться с ним и передать что-то. Кончилось тем, что она меня к нему привревновала, и на короткий срок мы поссорились. Я буквально обалдевала от ее романса! Дама в преклонном возрасте, а трепещет от любви! Потом только сообразила, что она тогда была еще молодой женщиной, даже не пятидесятилетней. Поэтому, по сегодняшнему моему пониманию, было самое время любить.

Пельтцер имела вздорный характер. Перед спектаклем ей обязательно нужно было с кем-нибудь поскандальить. Она себя нарочно распалила, кричала за кулисами на весь женский этаж: «За что вы зарплату получаете? Развелось вас тут... всяких бездельниц, гримеров-костюмеров! Куда вы подевались, дармоедки?»

Пока на всех не наорет, не пошлет куда подальше - не успокоится. А на сцену выходила очень собранной, подготовленной. Я ее понимала, и все понимала, что она очень добрый человек - всем в театре помогала, в том числе и деньгами. Но особенно много и с готовностью помогала неумиющим молодым актерам. (...)

Пельтцер-актрисой я всегда восхищалась и очень страдала, когда она ушла. Пустяковая ссора с Плучком на репетиции началась из-за взаимной грубости, а переросла в грандиозный скандал, в разрыв с замечательной актрисой, которая театру была очень нужна и которую сам Плучек высоко ценил, хотя и не был ей творчески близок.

Шла последняя перед премьерой репетиция спектакля «Горе от ума». Не занятая в нем, я слушала в своей грим-уборной радиотрансляцию сцены бала у Фамусовых. Вдруг в главное и сплитное течение грибоведского текста ворвался раздраженный вопрос Пельтцер: «Куда мне идти?» Плучек недовольным голосом, потому что превращался репетиция, ответил, что идти она может куда захочет.

Она еще больше раздразнилась, выходящая же спрашивает: «А куда мне деться?»

Он, взорвавшись, отвечает: «Ну, конечно, вы должны быть в центре, а остальные - вокруг... Между прочим, здесь еще и Чацкий, и Софья есть! Вы, конечно, не заметили?» (Чацкий играл Андрей Миронов, а Софью - молодая, очень талантливая актриса Татьяна Ицкивич, которую Плучек особенно любил и ввязывался в драмы).

...Тут началось! Следила текст не по Грибоедову, который я повто-

рить не решаюсь. Кричит она. Кричит он. Оба словно обезумело. Понимаю, что сейчас Татьяна репетицию бросит и со сцены уйдет. Бегу вниз, в вестибюль, чтобы ее встретить. Схватила с вешалки свое и ее пальто. Жду. Она спускается. Тоже бегом. Я пытаюсь ее одеть, увести из театра. А она еще докрикивая, вдруг поворачивает обратно, рвется из моих рук - договорить Плучку то, что не успела. Я ее умоляю ехать домой. А по трансляции голос: «Аросеву немедленно на сцену!» Это чтобы Пельтцер заменила в спектакле.

Выбежал Миша Державин в костюме Скалозуба: «Ольга Александровна, уходите немедленно, Плучек вас репетировать зовет». Мы с Пельтцер выскочили из театра. (...)

Сели в такси, я умоляю Татьяну успокоиться. А она только и повторяет, как в затмении разума: «Я к Марку Захарову пойду! К Марку пойду, к Марку!»

Кое-как довезла ее до дому, а утром звонок: «Ольга, дай мне твою машину. Я поеду жаловаться в министерство». У меня тогда «жигуленок» был с водителем. Вместе с шофером я поехала к ней. И опять мы по Москве два часа катались. И снова я ее уговаривала, но не отговорила. Она к Марку Захарову в «Ленком» ушла. (...)

Захаров ее любил, называл «нашей бабушкой», но интересной работы, по масштабу выдающейся актрисы, не давал. У него она стала совсем другая: чего-то боялась, непривычно робела. (...)

Я пошла посмотреть ее в «Трех девушках в голубом», где Татьяна Ивановна получила наконец интересную роль бабки-соседки, с единственным монологом какой-то необычной формы, без знаков препинания, без логики,

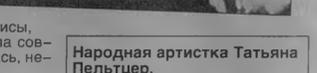
врачу, а он говорит, что больная очень агрессивна, никого не узнает. Мы настаиваем, и он после долгих угоров наконец разрешил и даже сам пошел с нами, сказав: «Мне самому интересно, узнает ли она вас?»

И вот идем по длинному больничному коридору, а попявшись на встречу нянечка говорит, что Татьяна Ивановна курит в уборной. И тут вижу, бежит Татьяна, кинулась ко мне в объятия, а врач спрашивает: «Ну, что это к вам пришел?» Глаза ее жалобно заматались, она подумала лишь секунду и уверенно, даже гордо сказала: «Друг мой пришел».

Потом она и имя мое вспомнила. Когда дело дошло до театральных новостей, Татьяна Ивановна интересовалась, где были гастроли, что играли, и совершенно здраво расспрашивала обо всем. А о своем здоровье, вернее, нездоровье говорила что-то невнятное, жаловалась на больные (как рассказав врач, она дралась с ними). И только в конце свидания пришла ко мне совсем беспомощно и шепнула: «Ольга, заberi меня отсюда!» Мы все, директор театра, она и я, в голое зарыдали - так невыносимо было уходить от нее.

«Ленком» вернулся с гастролей, и Захаров перевел Пельтцер в другую клинику, в отдельную палату.

Татьяна Ивановна умерла, оставив мне в наследство ломберный столик, за которым мы столько вечеров картежничали. Я его на дачу перевезла. Открыла однажды ящик, а там на листке пупька расписана и наша фамилия! И стоят - Пельтцер, Токарской, Гены Зельмана и моя. Трех уже нет в живых.

Народная артистка Татьяна Пельтцер.

Глаза ее жалобно заматались, она подумала лишь секунду и уверенно, даже гордо сказала: «Друг мой пришел»

1995 год. Президент Ельцин вручает актрисе-юбилару орден.

1926 год. Париж. Оле Аросевой 9 месяцев.